

УДК 343

С. В. Шевелева, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: ssh46@rambler.ru)

О СПОСОБАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Принуждение в уголовном законодательстве имеет различные формы фиксации: и как обстоятельство, исключающее преступность деяния, и как признак наказания, и как криминообразующий признак отдельных составов преступлений. В зависимости от источника оно может быть принуждением обстоятельствами и принуждением действиями. Последнее всегда исходит от человека, и его можно назвать преступным принуждением. В УК РФ встречается такое воздействие на другого человека, как насилие или угроза его применения, включая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, издевательства и пытки; уничтожение, повреждение или изъятие чужого имущества или угроза этими действиями; шантаж; использование материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей); угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких; подкуп; уговор; обещания; обман или злоупотребление доверием; понуждение.

Отличительной характеристикой такого воздействия является то, что принуждаемый избирает линию поведения, стремясь избежать неблагоприятных для себя или своих близких последствий. Рассмотрев все возможные виды преступного воздействия на человека, в статье делается вывод, что преступное принуждение в уголовном законодательстве может быть зафиксировано в форме угроз, шантажа, насилия. Уговор, обман, злоупотребление доверием не являются формами преступного принуждения в силу того, что свобода воли потерпевшего не ограничивается.

Ключевые слова: принуждение, свобода воли, обман, злоупотребление доверием, насилие, угроза, шантаж, понуждение.

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-1-171-176

Ссылка для цитирования: Шевелева С. В. О способах юридической фиксации преступного принуждения в уголовном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 1(70). С. 171–176.

***

В российском уголовном законе термин «принуждение» используется в самых разных значениях. Он применяется законодателем для определения обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст.40 УК РФ), для определения обстоятельства, отягчающего или смягчающего наказание (п. «е» ч.1 ст.61 и п. «к» ч.1 ст.63 УК РФ). Используется этот термин и при определении понятия наказания (ст. 43 УК РФ). В Особенной части УК РФ принуждение выступает признаком деяния в 11 составах преступлений (ст. 120, 141, 142, 144, 147, 149, 179, 240, 302, 309, 333).

Используя термин «принуждение» в нормах Общей и Особенной частей УК РФ, законодатель не дает ему легального определения и вкладывает в него различные смыслы, что обуславливает различия во взглядах ученых на его содержание.

В литературе отсутствует единство в понимании термина «принуждение». Исследователи нередко отождествляют понятия «принуждение» и «насилие», «принуждение» и «понуждение». Например, по мнению С.С. Тихонова, принуждение в уголовном праве – есть общественные отношения, существующие по поводу психического или физического воздействия одного человека на другого с целью заставить последнего поступить нужным для виновного образом [6, с. 99].

Е.Г. Веселов определяет принуждение как требование, подкрепленное насилием или угрозой его применения, и деятельность по выполнению этого требования. Достаточно часто принуждение в уголовном праве рассматривается как умышленное, общественно опасное, противоправное воздействие [4, с. 16], акт насилия. Некоторые исследователи трактуют принуждение как вид общественно

опасного насилия, направленный на подавление свободного волеизъявления, путем шантажа, угроз, поставления потерпевшего в безвыходное положение и т.п. [2, с. 43].

Не оспаривая значимости приведенных подходов к определению понятия «принуждение», все же отметим, что они определяют лишь направление, связанное с рассмотрением отдельных элементов понятия «принуждение», пригодных для характеристики деяния в объективной стороне конкретных составов преступлений. Различия в трактовках принуждения несут различные функциональные нагрузки. Это связано с тем, что при определении различных по объему понятий, преследуются различные цели, что позволяет определить юридическую природу и выявить общие закономерности развития.

Анализ философских и социологических исследований по данному вопросу позволяет определять принуждение как воздействие на принуждаемого, как следствие которого он ведёт себя определённым образом, отличным от того, как он вёл бы себя в отсутствие принуждения. Столь общее определение обусловлено многообразием форм воздействия на принуждаемого, которые, вместе с тем, могут быть объединены в две большие группы, связанные с выделением принуждения обстоятельствами и действиями.

Принуждение обстоятельствами связано с существованием в объективной действительности фактов, сталкиваясь с которыми, принуждаемый вынужден изменить свою линию поведения. Это могут быть силы природы (разлив воды, пожар, низкая или высокая температура окружающей среды и т.д.), технико-природные явления (например аварии и катастрофы различного рода). Их причина может быть как связана с предшествующими человеческими действиями, так и нет. Принуждаемый воспринимает это воздействие как несвязанное непо-

средственно с человеческими действиями и меняет свою линию поведения, противостоя этим обстоятельствам.

Принуждение действиями, напротив, представляет собой воздействие, исходящее от другого человека. Уголовному закону известно множество разновидностей воздействия одного человека на другого, однако не все они могут рассматриваться как принуждение. Отграничение здесь следует, во-первых, проводить исходя из только умышленного характера действий по принуждению и, во-вторых, исходя из характера действий.

В УК РФ встречается такое воздействие на другого человека (случаи воздействия на государство и общество, включая органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические лица, здесь не рассматриваются), как:

а) насилие или угроза его применения, включая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, издевательства и пытки (например, ст. 119, ч. 1 ст. 120, п. «в» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 303 УК РФ);

б) уничтожение, повреждение или изъятие чужого имущества или угроза этими действиями (ст. 133, ч. 3 ст. 144, ст. 163, 167, 179, ч. 2 ст. 185⁵, ст. 296, ч. 2 ст. 309 УК РФ);

в) шантаж (п. «г» ч. 2 ст. 127², ст. 133, ч. 1 ст. 302, ч. 2 ст. 309 УК РФ);

г) использование материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей) (ст. 133 УК РФ);

д) угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ст. 163, 179 УК РФ);

е) подкуп (ч. 4 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 183, ст. 184, ст. 204, ст. 290–291 (в виде получения и дачи взятки соответственно), ч. 1 ст. 309 УК РФ);

ж) уговор (ч. 4 ст. 33 УК РФ);

з) обещания (ст. 150 УК РФ; в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ «обещание» используется в ином значении, в смысле согласия что-то совершить в будущем, вне контекста воздействия на другое лицо);

и) обман или злоупотребление доверием (п. «а» ч. 2 ст. 141, ст. 150, 159, 165, 173² УК РФ);

к) понуждение (ст. 133 УК РФ).

В ряде случаев в законе говорится о воздействии в виде принуждения с раскрытием этого понятия через приведённые термины либо с уравниванием первого с последними (например, ст.ст. 120, 144, 179 УК РФ).

Вместе с тем не все разновидности воздействия одного человека на другого являются принуждением. Все они оказывают влияние на поведение человека, заставляя (в общеупотребимом значении этого слова) его изменить свою линию поведения, однако такая смена может быть объективно добровольной. Разграничительная линия, по нашему мнению, заключается в том, что *при принуждении человек избирает линию поведения, стремясь избежать неблагоприятных для себя или своих близких последствий*. Как следствие, не могут быть отнесены к принуждению подкуп, уговор, обещания, обман или злоупотребление доверием.

Подкуп и обещания по самой своей природе объективно влекут некие блага для объекта подкупа (обещаний), когда он, желая заполучить их, добровольно соглашается изменить свою линию поведения. То же самое можно сказать и об уговорах: необязательно связанные с благами, они приводят к добровольно данному согласию лица по различным мотивам (убеждённость в правильности поступка, желание быть «как все», стремление к тому, чтобы «отстали» с уговорами, и т.п.).

Иллюстрирует сказанное пример из судебной практики, связанный со схожим воздействием на лицо в виде просьбы действовать соответствующим образом.

Приморским краевым судом В. осуждён по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «жж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В. осуждён за умышленное причинение смерти Ч., совершенное на почве личных неприязненных отношений, группой лиц и в умышленном причинении смерти Л., совершенное группой лиц, с целью скрыть другое преступление. В кассационной жалобе В. утверждал, что не считает себя виновным в убийстве потерпевших Ч. и Л. поскольку не наносил им ударов ножом и молотком, а только держал ноги потерпевшим, лишая их возможности сопротивляться; утверждал также, что удерживал потерпевших находясь в состоянии крайней необходимости, действуя по требованию У., которого боялся, и просил освободить его от уголовной ответственности на основании ст. 39 УК РФ. Верховный Суд РФ отклонил эти доводы, указав, что У. осуждённому не угрожал, никаких насильственных действий в отношении его не предпринимал, высказал лишь просьбу удерживать ноги потерпевших, в то время как сам наносил удары ножом потерпевшим, и В. эту просьбу выполнил. Из показаний осуждённых, а также свидетелей С. и Ш. усматривается, что и после происшедшего В. продолжал совместное проживание и времяпровождение с У., не боялся его, рассказывал свидетелям о совместно совершённом убийстве. Таким образом, доводы осуждённого В. о совершении преступлений в состоянии крайней необходимости являются несостоятельными (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 мая 2011 г. № 56-о11-37). Из данного дела видно, что просьба никоим образом не стесняет свободу воли другого лица.

Сложнее обстоит дело с обманом и злоупотреблением доверием. В соответствии с п. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»

«обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение», а «злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам». Применительно к уголовному праву (в иных отраслях права решение может отличаться) и в том, и в другом случае свободная воля потерпевшего порочна в том смысле, что сформировалась под влиянием искажённого представления о действительности; вместе с тем она свободна в том смысле, что вариант поведения избирается лицом, *полагающим себя* действующим свободно [7, с. 70; 8, с. 104].

Наиболее же проблематично решить вопрос об отнесении к принуждению понуждения, используемого законодателем при описании деяния только в ст. 133 УК РФ (при описании субъективной стороны этот термин встречается также в примечании к ст. 117 УК РФ и ст. 206 УК РФ).

Одна из точек зрения сводится к отождествлению этих понятий. Так, И. Н. Алексеев указывает, что в русском языке глагол «принуждать» используется для обозначения процесса, а глагол «понуждать» употребляется в основном для констатации факта (результата) [1, с. 11].

По мнению Н. В. Иванцовой, принуждение и понуждение различаются лишь приставками, тогда как по сути сводятся к тому, чтобы насильственным путем заставить подчиниться требованиям понуждающего [2, с. 17]. Е. А. Куманьева относит понуждение к наименее опасной разновидности психического принуждения [3, с. 45].

Напротив, Л. В. Сердюк отмечает, что понуждение и принуждение имеют существенные различия. Понуждение достигается посредством угроз, которые направлены в будущее и, как правило, не вызывают опасений потерпевшего за такие ценные блага, как жизнь, а потому не подавляют его волю, а лишь склоняют к определённым действиям в пользу преступника. Принуждение же рассчитано на полное подчинение воли потерпевшего, поставление его в безвыходное положение, когда у него отсутствует выбор поведения, кроме требуемого преступником [5, с. 47]. Представляется, что эти доводы нельзя признать убедительными. В очень редких случаях принуждение действительно устраняет всякую свободу выбора. В большинстве же случаев свобода выбора у лица сохраняется, и уголовный закон использует юридическую фикцию для того, чтобы сказать, что её нет. Понуждение в контексте ст. 133 УК РФ не просто склоняет к определённым действиям (при таком подходе оно неотличимо от уговоров) – оно несёт в себе элемент принуждения, когда человек избирает линию поведения, стремясь избежать неблагоприятных для себя или своих близких последствий. По нашему мнению, слово «понуждение», используемое в УК РФ только в ст. 133, является своеобразной данью традиции и попыткой законодателя использовать менее «эффективное» слово для преступления, очевидно меньшего по характеру общественной опасности по сравнению со ст. 131–132 УК РФ. По сути, конструкция преступных действий в ст. 131–133 УК РФ одинакова: виновный

добивается «согласия» потерпевшего лица разными в своей интенсивности способами, т.е. принуждает его [9, с.113].

Итак, понуждение и все иные обозначенные варианты представляют собой *содержание принуждения*. В тех случаях, когда закон говорит о принуждении, не раскрывая содержание этого понятия, анализ должен вестись именно в рамках обозначенных вариантов содержания принуждения.

Принуждение, устраняющее в юридическом смысле свободу воли (в объективной реальности свобода воли принуждаемого может быть устранена либо только ограничена), может рассматриваться двояко: а) с позиции принуждающего; б) с позиции принуждаемого.

Соответственно, с позиции принуждающего (активная сторона принуждения) принуждение представляет собой разновидность преступного поведения:

а) предусмотренного в нормах Особенной части УК РФ в виде самостоятельного состава преступления (например, ст. 120, ч. 1 ст. 147, ст. 179 УК РФ), способа совершения другого преступления (например, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 144 УК РФ);

б) получающая оценку с использованием норм Общей части УК РФ (например, об ответственности в случае соучастия).

С позиции принуждаемого (пассивная сторона принуждения) принуждение представляет собой:

а) разновидность обстоятельств, исключающих преступность деяния; или

б) условно говоря, компонент деяния, получающий уголовно-правовую оценку в рамках ряда институтов Общей части уголовного права. В группу (б) входят не только внешние по отношению к действующему причины, но и ситуации, когда свобода воли устраняется воздействием внутренних по отношению к действующему причин, что также требует отдельного анализа.

При этом принуждение с активной и пассивной его сторон не являются взаимоисключающими понятиями; напротив, они в большинстве случаев (кроме, соответственно, принуждения обстоятельствами) представляют собой разные аспекты одной ситуации.

Список литературы

1. Алексеев И. Н. Понуждение, принуждение и насилие в уголовном праве // Уголовный процесс. – 2006. – № 1.

2. Иванцова Н.В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: дис. ...д-ра юрид. наук. – Казань, 2005.

3. Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.

4. Попов Д.В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. трудов. – Уфа, 2003.

5. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002.

6. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. – СПб., 2002.

7. Урда М.Н., Шевелева С.В. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. – 2013. – №6.

8. Баумштейн А.Б. Социалистическо-классическая школа уголовного права (конец 1930-х - середина 1950-х гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2016. – № 2 (19). – С. 104-109.

9. Назаренко Г.В. Эволюция концепций невменяемости в отечественном уголовном праве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 4. – С. 110-113.

Поступила в редакцию 12.01.17

UDC 343

S. V. Sheveleva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: ssh46@rambler.ru)

LEGAL FIXING OF CRIMINAL CONCUSSION IN CRIMINAL LEGISLATION

Criminal legislation concussion has various fixing forms: as a circumstance excluding crime act, as a punishment sign, as a crime sign of separate crime components. There are two types of concussion: concussion by circumstances and concussion by actions. The last always is done by a person. And it can be called criminal concussion. Such impact on other person as violence or threat, including threat of murder or causing heavy harm to health, mockeries and tortures is in the Criminal Code of the Russian Federation; destruction, damage or withdrawal of someone else's property or these actions threat; blackmail; use of material or other victim dependence; threat of data discrediting distribution or other data which can do essential harm to victim rights or legitimate his/her (his/her relatives) interests; bribery; persuasion; promises; deception or abuse of confidence; compulsion.

The distinctive characteristic of such pressure is that criminals choos behavior seeking to avoid adverse consequences. It is possible to say that criminal concussion in criminal legislation can be fixed in such forms as threats, blackmail and violence. Persuasion, deception, deception or abuse of confidence aren't forms of criminal concussion because victims' free will isn't limited.

Key words: *concussion, free will, deception, abuse of confidence, violence, threat, blackmail, compulsion.*

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-1-171-176

For citation: Sheveleva S. V. Legal Fixing of Criminal Concussion in Criminal Legislation, Proceeding of Southwest State University, 2017, vol. 21, no. 1(70), pp. 171-176 (in Russ.).

***

Reference

1. Alekseev I. N. Ponuzhdenie, prinu-zhdenie i nasilie v ugovolnom prave // Ugolovnyj process. – 2006. – № 1.

2. Ivancova N.V. Otrazhenie i ocenka obshhestvenno opasnogo nasilija v ugovolnom prave: dis. ...d-ra jurid. nauk. – Kazan', 2005.

3. Kumanjaeva E. A. Prinuzhdenie v ugovolnom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2012.

4. Popov D.V. K voprosu o soot-noshenii ugovolno-pravovyh ponjatij: prinu-zhdenie i nasilie // Aktual'nye voprosy ugovolnogo processa sovremennoj Rossii: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – Ufa, 2003.

5. Serdjuk L. V. Nasilie: kriminolog-icheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie. – M., 2002.

6. Tihonova S.S. Prizhiznennoe i posmertnoe donorstvo v Rossijskoj Federacii: voprosy ugovolno-pravovogo regulirovanija. – SPb., 2002.

7. Urda M.N., Sheveleva S.V. Problemy primeneniya st. 159.1 UK RF // Ugolovnoe pravo. – 2013. – №6.

8. Baumshtejn A.B. Socialisticheskoe klassicheskaja shkola ugovolnogo prava (konec 1930-h - seredina 1950-h gg.) // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo. – 2016. – № 2 (19). – S. 104-109.

9. Nazarenko G.V. Jevoljucija koncepcij nevmenjaemosti v otechestvennom ugovolnom prave // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo. – 2014. – № 4. – S. 110-113.